
З. А. НИКОЛЬСКАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДАРГИНСКОГО КОЛХОЗА «КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН»

29 лет назад, на Чрезвычайном съезде Советов, И. В. Сталин, провозглашая советскую автономию Дагестана, заверил горцев, что советская власть вытянет их из той трясины темноты и невежества, куда их бросила царская Россия. За годы советской власти Дагестан в результате претворения в жизнь ленинско-сталинской национальной политики, при братской помощи великого русского народа превратился из отсталой окраины России в цветущую социалистическую республику с развитой промышленностью, механизированным сельским хозяйством, передовой культурой, национальной по форме, социалистической по содержанию. Неизмеримо выросло материальное благосостояние трудящихся Дагестана. Всеми своими достижениями народы Дагестана обязаны прежде всего великой партии большевиков и лично товарищу Сталину, проявлявшему по отношению к ним неустанную отеческую заботу.

Как известно, Дагестан XIX — начала XX в. являлся одной из самых отсталых колоний царской России. Все лучшие пахотные земли, равно как и богатые пастбища, принадлежали либо русским переселенцам, либо местным феодалам. Последние, составляя в начале XX столетия всего 0,7% населения, владели около $\frac{1}{3}$ (37,5%) всей земельной площади в Дагестане. На одно помещичье-дворянское хозяйство приходилось в среднем 394,5 десятины земли, а на крестьянское — 7,2. Нередки были хозяйства, величина участка которых не превышала 20—30 аршин. Остатки такого поля сохранились сейчас в ауле Конхидатль. Там у берега горной реки высится валун, на верхушку которого какой-то бедняк в далекие времена нанес в мешках почву. Получился участок площадью в 6—7 аршин.

Аналогичная картина наблюдалась и в скотоводческом хозяйстве дагестанских горцев. Кулаки-барановоды, составлявшие меньше 3% населения Дагестана, владели половиной всего поголовья овец и коз. Около 70% хозяйств в горных аулах не имели даже овцы.

Техника и методы ведения сельского хозяйства дореволюционного Дагестана отличались крайне примитивными формами (мотыга, деревянная соха, пучок прутьев вместо бороны, молотильные доски с каменными вкладышами и т. д.), что являлось причиной низких урожаев. Так, в 1913 г. с 1 га пшеницы собирали не более 4,5 ц в среднем, кукурузы — 6 ц и т. д. В результате своего хлеба Дагестану хватало всего на три-четыре месяца в году.

Царское правительство, не считаясь с бедственным положением горского крестьянства, облагало его подымной податью, земскими сборами и прочими повинностями. Местные феодалы в свою очередь вводили все новые и новые повинности. Достаточно указать, например, что жители Табасарана обязаны были отбывать феодалам 32 повинности. Жители селения Махрата подали царскому наместнику на Кавказе прошение, в котором писали: «...беки страшнейшим образом угнетают нас... Они произвольно по своему усмотрению назначают налоги на кур, на

яйца, на дрова, на угли, даже с каждого молодого, который думает жениться, берут по 10 рублей»¹.

Жалоба, конечно, осталась без последствий, ибо царское правительство всячески поддерживало местных феодалов. Население находилось под двойным гнетом — царской администрации и местной феодальной знати, приводившим к голоду, болезням, вымиранию горцев. В Даргинском округе, например, в 1899 г. родилось 19 человек на тысячу, умерло 29. Всего по Дагестану в том же году родилось 12 368 человек, а умерло 15 845. Один врач приходился на 63 тысячи населения. Свирепствовали малярия, оспа, трахома, сифилис, туберкулез.

Царская колониальная политика в Дагестане привела к тому, что тысячи крестьян отрывались от земли, шли батрачить, обращались к отходничеству, искали спасения в кустарных промыслах. За один только 1914 г. 83 тысячи горцев ушло из Дагестана в отход. Накануне революции в кустарных промыслах было занято до 25 тысяч кустарей. Для многих населенных пунктов (Кубачи, Амузги, Унцукуль, Балхар и др.) кустарные промыслы были единственным источником существования. Однако отходничество и кустарные промыслы не могли обеспечить горцу нормальных условий жизни. Кустари и ремесленники разорялись под влиянием конкуренции фабричного производства. Для Дагестана вполне применима характеристика Ленина, относившаяся ко всему Кавказу: «Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия»².

В расчеты царского правительства не входило развитие производительных сил Дагестана и формирование местного пролетариата; напротив, царское правительство стремилось превратить Дагестан в исключительно сырьевой придаток России. Промышленность дореволюционного Дагестана была очень незначительна. Из существовавших до революции 134 промышленных предприятий только 18 можно назвать фабриками в собственном смысле этого слова. Ряд консервных заводов насчитывал от одного до пяти рабочих в сезон. На крупных фабриках в Петровске, Темирхан-Шуре эксплуатация рабочих носила исключительно жестокий характер. При 12-часовом рабочем дне и тяжелом ручном труде средний годовой заработок рабочего в Дагестане был в два раза ниже, чем в Центральной России. Так, например, на текстильной фабрике «Каспийской мануфактуры» в Петровске мужчина зарабатывал всего 40 копеек в день.

В результате колониальной политики царизма Дагестан к моменту революции не успел еще пройти капиталистического развития. В стране сохранялся полуфеодальный — полупатриархальный быт, полунатуральное хозяйство.

Ярким примером тех изменений, которые произошли за годы советской власти, может служить Даргинский колхоз «Красный партизан», объединивший четыре выселка «Акушинского вольного общества», — Урхучи-махи, Ургуба-махи, Цуни-махи и Кули-махи.

В конце XIX — начале XX в. в Дагестане на территории даргинцев, в центральной ее части, существовало крупное полуфеодальное объединение, так называемое «Акушинское вольное общество», во главе которого стоял известный всему Дагестану акушинский кади.

¹ Гос. архив при НКВД Грузинской ССР. Дело комиссии для окончания сословно-поземельных дел, дело № 12, л. 237.

² Ленин, Соч., т. III, стр. 463—464.

К началу XX в. Акушинское общество состояло из большого, возглавлявшего это общество, селения Акуша и 26 меньших селений — махи (выселки). Большинство этих выселков образовалось в начале XIX в. выходцами из селения Акуша с целью охраны акушинских границ, пахотных земель и богатых альпийских пастбищ. Все лучшие пахотные земли, равно как и лучшие альпийские луга, оставались во владении Акуши, а все выселки испытывали недостаток в земле и арендовали ее у жителей селения Акуша. Для управления выселками из Акуши назначались особые представители — юзбаши и векили, которые ведали всеми общественными делами. Номинально все жители выселков совместно с жителями Акуши составляли джамаат, который должен был для решения своих хозяйственных и общественных нужд собираться два раза в год на сход в местности «Карбуки-дирка». Фактически этот сход трансформировался в собрание наиболее влиятельных и богатых членов джамаата, в первую очередь жителей самого селения Акуша. Акушинцы ведали распределением и переделом земли, взаимоотношениями с другими обществами, с царской администрацией, назначением и смещением должностных лиц и т. д. Для иллюстрации характера власти акушинского джамаата достаточно указать на практику лишения провинившегося человека прав свободного гражданина. Во время джамаата кади во всеуслышанье объявлял, что такой-то член общества за такие-то проступки лишается прав свободного крестьянина. С этого момента он лишался права посещать джамаат, иметь долю в общественном участке пахоты, женить и выдавать замуж своих детей за равноправных членов общества, хоронить умерших членов семьи на общем кладбище и т. д.

Зависимость выселков от селения Акуша проявлялась также во время свадеб, похорон, праздников и пр. На все требовалась специальная санкция Акуши и специальный представитель, который якобы следил за порядком. Достаточно указать, что вплоть до революции жители выселков не могли иметь своих кладбищ и обязаны были возить своих покойников на кладбище в Акушу.

Самым крупным из этих махи было и остается селение Урхучи-махи. Оно было образовано как выходцами из селения Акуша, так и частично более поздними пришельцами из селений Цуда-хара, Ходжал-махи и Маджелиса. Селение Урхучи-махи делилось, как делится и сейчас, на две части, расположенные одна от другой на расстоянии 400—500 м. Условно мы будем их называть Урхучи I и Урхучи II.

Основу Урхучи I составлял тохум³ Каймаразла, основателями которого считались три родственника-акушинца: Каймараз Юсупов, Амар Ахсановт и Абдурахман Халал. Тохум этот подразделялся в свою очередь на группы более близких родственников — три жинса⁴: Бурту Гаджи, Омар Хаджи Хъала, Витт Омар Хъала. Урхучи II в силу своего более разноплеменного состава не образовало одного тохума и объединяло шесть не родственных между собой и малочисленных жинсов: Халал Буганов, Сулейбандов, Динбуганов, Абдиллачь, Буганд, Раджа. Все эти жинсы состояли из малых семей, являвшихся основными ячейками даргинского общества конца XIX — начала XX в.

Общественная структура трех прочих выселков, образовавших колхоз, была иной. Так, в Ургуба-махи жил только жинс — Мусала, в Цуни-махи — тохум Асала-Али, состоявший из четырех жинсов: Бунгун-боганда, Тубухъла-боганда, Хъаратла-боганда и Шамха-али; в Кури-махи располагался тохум Халак, подразделявшийся в свою очередь на четыре жинса: Халак, Гирга-боганд, Гариба-боганд и Юсупов Гасан.

³ Тохум — группа дальних родственников.

⁴ Жинс — группа родственных между собой семейств.

В предреволюционное время все мужское население этих выселков уходило на весь зимний сезон в Кизляр, Бабаюрт и Дербент, где работало в качестве поденщиков на полях, виноградниках и пр., и только в течение полутора-двух летних месяцев жило в родном селе. Кроме того, многим мужчинам приходилось неоднократно в течение лета прибегать к помощи акушинского базара, куда, по образному выражению даргинцев, они ходили «продавать свои руки».

Самый богатый хозяин в этих селениях имел не более 1½—2 га земли, не более 100 голов мелкого рогатого скота. Большинство же крестьян имело по 1 или ½ га земли и по 5—10 овец. В Кури-махи только 10—15 хозяйств имели по 1½ га земли, остальные — по ½ или ¾ га. Поголовьем в 70—80 овец владело только три хозяина: Юсупов Гасаң, Гирга-боганд, Гариба-богандов. Многие крестьяне не имели ни земли, ни скота и были вынуждены существовать батрачеством.

Примитивные сельскохозяйственные орудия — соха, коса-горбуша, однополье, отсталая агротехника (отсутствие боронования, удобрения, прополки) приводили к низким урожаям. Бюджет семьи среднего достатка был крайне жестким. Отходничество давало не более 36—40 руб. за весь зимний сезон (из расчета 20 коп. за один рабочий день). Своего хлеба хватало на три — четыре месяца, мяса (50—60 кг) — только на праздничные дни. Овощей и фруктов жители этих селений не культивировали.

Низкий уровень производительности труда, полунатуральное хозяйство явились причиной стойкой сохранности пережитков полупатриархального — полуфеодалного быта.

Тохум и жинс, утратив коллективные формы собственности и превратившись в территориальное объединение, перестали играть роль хозяйственных ячеек общества. Земля, скот, сады, сельскохозяйственный инвентарь находились в собственности малой семьи. Исключение составляла печь для сушки зерна, иногда водяная мельница для размола муки, продолжавшие находиться в общественной собственности жинса. Как исключение, в ведении жинса могло находиться также пахотное орудие, составляющее коллективную собственность всех сородичей (сел. Цуни). В собственности тохума сохранялись только леса, некоторые постройки и урочища. Это сохранение коллективной собственности тохума объясняется не столько пережитками патриархально-родовых отношений, сколько его территориальным единством. Так, в селении Урхучи, с его неродственным составом, леса, пастбища и урочища принадлежали всей территориальной общине, так же как они принадлежали тохуму в тех селениях, которые состояли из одного тохума (Цунимахи).

Утратив свою экономическую общность, жинс в силу низкого уровня развития производительных сил сохранял, однако, еще некоторое хозяйственное значение. Практиковались совместная пахота по очереди на частных полях сородичей, одалживание сельскохозяйственных орудий, совместное лущение кукурузы, молотьяба, стрижка овец и т. д. Подобная взаимопомощь, организуемая в пределах жинса, носит у даргинцев этого района название «билкъя». Являясь порождением родового строя, билкъя в предреволюционные годы превратилась в форму эксплуатации сородичей. Например, лишь билкъя в домах богачей Бахмудова Муртузали, Абдулгамидова Исы и Пирбудагова Исы собирала всех родственников, а на билкъя, организуемые в доме бедного сородича, собирались только самые бедные родственники и то далеко не все.

Помимо хозяйственной взаимопомощи, родственники жинса были связаны между собой и в общественных отношениях. Свадьба, рождение ребенка, наречение ему имени, воспитание его или, напротив, болезнь, смерть, несчастье сородича осознавались как всеобщая радость или всеобщее горе жинса. Однако и здесь во время свадьбы или рождения ~~для~~ только дом богатого сородича собирал много подарков, ибо бедняк

был не в состоянии устроить пышное торжество, богатую свадьбу. Обязанность всех родственников оказывать помощь при организации того или иного торжества наносила урон семьям бедняков, но никак не отражалась на хозяйстве богатого сородича. Наконец, общественные представители, так называемые «векили» выбирались из числа богатых сородичей, в силу чего последние пользовались некоторой властью, подчиняясь, правда, в свою очередь — юзбашам, назначенным из селения Акуша.

Идеологическим цементом, скрепляющим родственников одного жинса, служил культ их общего предка, имя которого они носили и в честь которого устраивались совместные моления. Общественные и идеологические связи тохума по сравнению с такими же связями жинса подверглись более глубокому распаду. Общетохумными праздниками оставались лишь праздник проведения первой борозды, праздник снятия урожая и все мусульманские байрамы. Кроме того, в пределах тохума заключались браки, т. е. тохум был эндогамен. В том случае, если селение включало в свой состав несколько тохумов, оно становилось преемником его общественных функций. Примером может служить Ургубамахи, где все жители селения совместно устраивали сельскохозяйственные праздники, байрамы и т. д.

Семейный быт крестьян этого района сохранял много черт патриархально-родового строя. Главой семьи был мужчина — собственник основного имущества дома, жене принадлежало только ее приданое, которое впоследствии переходило к ее дочери. Основным же производителем, напротив, являлась женщина. Согласно старому адату, сохранявшемуся вплоть до революции, женскими отраслями труда были: посев, сбор урожая, уход за крупным рогатым скотом, приготовление продуктов впрок, заготовка сена, дров, приготовление пищи, изготовление одежды и предметов домашнего ремесла, заготовка стройматериалов (камень, глина) и т. д., наконец, переноска всех тяжестей. Мужским делом считалась пахота, стрижка овец, т. е. сезонная работа. Несмотря на большой удельный вес своего труда, женщина не принимала никакого участия в общественной жизни. Адат лишал женщину права посещать корт — место сельского джамаата, участвовать в сходе, посещать мечеть, разговаривать с мужчинами и даже с мужем в присутствии посторонних. Женщина не могла принять самостоятельно гостя или принять приглашение пойти в гости к соседям. Она не имела права поехать к мужу или лечь спать до того, как заснул муж. Единственными местами общения женщины с посторонними служили водоразборный пункт, общественная печь для выпечки хлеба, где во время работы она могла обменяться новостями и советами с другими труженицами.

Целиком на плечи женщины ложилось воспитание детей, сводившееся помимо заботы об их питании и здоровье, к обучению их труду. Девочка с семи лет начинала участвовать в полевых работах и носить тяжести, помогая матери также и по дому. Мальчик, по адату, включался в трудовую деятельность лишь по достижении совершеннолетия (15 лет). Отец не имел права вмешиваться в воспитание детей. Более того, в присутствии постороннего и даже родственников и жены он не мог приласкать ребенка, взять его на руки. Этот запрет снимался с отца лишь по наступлении совершеннолетия сына, когда последний получал право посещать джамаат, присутствовать на корте, участвовать и помогать отцу во время пахоты.

По отношению к дочери запрет адата продолжал действовать вплоть до ее выхода замуж. Женитьба и выдача замуж детей составляли в основном, повидимому, дело обоих родителей. В рассматриваемое время отец выступает как полновластный вершитель их судеб. Сватовство и брак совершались без участия самой молодежи, невзирая на их личную склонность и привязанность. Главными требованиями, предъ-

являвшимися к невесте, были «чистота крови» и богатое приданое. Под «чистотой крови» понималась принадлежность невесты к той же родственной группе, тому же жинсу или тохуму, что и жених. В связи с этим считались недопустимыми браки между селениями, образовавшими ныне колхоз «Красный партизан», особенно с жителями селения Ургуба-махи, считавшимися «нечистыми» в силу своего разноплеменного состава.

История жителей выселков, окружающих селение Ургуба-махи, пестрит всевозможными кровавыми историями, столкновениями, являвшимися ответом на попытки ургубинцев завязать отношения свойства со своими соседями. Однако, если исстари браки внутри жинса считались предпочтительными перед браками внутри тохума, то в рассматриваемое время наблюдалась уже обратная картина — браки заключались в пределах тохума предпочтительно перед браками внутри жинса. В связи с тем, что экономическая сторона брака начинает играть все большую роль, размер приданого приобретает стабильный, обязательный характер. Невеста в качестве приданого должна была принести в дом своего мужа несколько голов скота, пахотный участок размером 0,1 га, пять комплектов постели (матрацев, подушек, ватных одеял), шесть платьев, головных уборов и обуви, пять штук металлических кувшинов для воды и т. д.

Стабильный размер приданого, наносивший ущерб хозяйству беднейшей части общества, способствовал выработке обычая, согласно которому предметы приданого не отчуждались, не использовались в повседневной жизни и передавались из поколения в поколение, от матери к дочери и т. д. Однако для беднейшей части общества этот обычай не являлся выходом из положения. При выборе невесты большое значение имела величина ее приданого, в силу чего многие девушки не могли выйти замуж. В свою очередь юноши не могли жениться, ибо свадебный церемониал и подарки невесте требовали больших расходов. Зажиточная верхушка общества, напротив, практиковала многоженство. В этих случаях судьба женщины была еще хуже. Вторая и третья жены лишались последней доли своей самостоятельности, ибо хозяйкой считалась первая жена. Все ключи от хозяйственных припасов, от сундуков с платьем находились в распоряжении первой жены, она же следила за распорядком домашних и полевых работ, за соблюдением всех старых адатов и традиций.

Установление советской власти в Дагестане ознаменовалось коренным изменением хозяйства и быта его народностей. Уничтожаются основы эксплуатации, сословных привилегий, общественного неравенства. Повсеместно организуются товарищества по совместной обработке земли — ТОЗ'ы, имевшие целью развить в крестьянстве навыки коллективизма, показать преимущества совместной обработки земли. Однако отсталая сельскохозяйственная техника, а равным образом не прекращавшаяся в эти годы классовая борьба препятствовали созданию в горах Дагестана высокопродуктивных хозяйств. Только крупное коллективное хозяйство, оснащенное передовой сельскохозяйственной техникой, могло вывести и вывело трудовое крестьянство гор из тупика. Такие хозяйства стали организовываться в горах в 1929 г., последующие 2—3 года явились для Дагестана годами великого перелома. Селения Ургуба-махи, Цуни-махи, Кури-махи, Урхучи-махи объединились в один колхоз, носящий ныне название «Красный партизан».

Советская власть передала в вечное пользование колхозу 600 га пахотной земли, в том числе более 60 га новых земель, за счет передачи

ему так называемых общественных земель, принадлежавших в прошлом, как мы знаем, селению Акуша. Кроме того, дополнительно колхоз получил 215 га пахотной земли на кутанах (зимних пастбищах) в Кизил-Юртовском и Баба-Юртовском районах, а также вдоль Акушинской речки, за счет осушки болот путем проведения водоотводных каналов и арыков.

Часть земель, принадлежавших до коллективизации отдельным крестьянским хозяйствам, разбита сейчас на равные доли и передана колхозникам в качестве приусадебных участков.

Изменился хозяйственный профиль этих селений. Крупное значение начинает приобретать в них земледелие, которое постепенно начинает играть ведущую роль в колхозе. Вместе с тем продолжает неуклонно расширяться и скотоводческое хозяйство. Так, если в 1938 г. численность мелкого рогатого скота составляла 449 голов, то в 1949 г. — 5328 голов, поголовья крупного рогатого скота увеличилось за эти же годы с 107 до 484 голов, а лошадей — с 20 до 415 и т. д.

За годы коллективизации существенным образом изменяется организация земледельческого хозяйства. Вводится новая агротехника. Впервые стали широко применяться боронование, периодическая прополка полей, высококачественное удобрение. Только за один 1948 г. колхозники собрали до 16 тысяч килограммов птичьего помета, являющегося лучшим удобрением для полей. Для сбора птицепомета колхоз организовал специальные звенья, которые на высоте 120—150 м в скалах собирают это ценное удобрение. Помимо птицепомета, колхозники научились применять в качестве удобрения обожженный дерн, который полностью заменил недостающий в хозяйстве этого района навоз. Периодическая прополка посевов вместе с подкормкой растений, составляющая также достижение колхозного хозяйства, является показателем высокой агротехнической культуры. Изменился также ассортимент злаков, культивируемых крестьянами. В прошлом урхучинцы сеяли только ячмень и пшеницу. Ныне в колхозе стали успешно культивировать, кроме того, кукурузу, картофель, а на зимних пастбищах — арбузы, капусту, помидоры и даже виноград.

Существенным образом изменилось и скотоводческое хозяйство колхозников. За колхозом закреплены навечно летние пастбища в Акушинском и Ругульском районах, а также зимние пастбища в Кизил-Юртовском, Баба-Юртовском районах Дагестана. На зимних пастбищах организованы коневодческая, овцеводческая и птицеводческая фермы. На летних пастбищах существует, кроме того, еще молочно-товарная ферма. Все фермы ведут с помощью районных зоотехников большую научно-исследовательскую работу по выведению лучших пород скота. Обслуживающий персонал этих ферм обеспечен всем необходимым. На территории пастбищ выстроены жилые помещения, оборудованные электричеством и радио, клубы, избы-читальни, школы. Кутаны посещаются агитколлективами, бригадами артистов и т. д.

Благодаря мероприятиям советской власти, передавшей в распоряжение колхоза большие земельные угодья в горах и на плоскости, а также мероприятиям колхозников, использующих достижения передовой агротехники, значительно возросли доходы крестьян. В качестве примера достаточно привести бюджет средней колхозной семьи. Так, семья колхозника Омарова Магомета, состоящая из мужа, жены и сына-школьника, выработала 630 трудодней. Выдача на один трудодень за 1949 г. составляла 5 кг 400 г зерна, 3 кг 700 г картофеля, 900 г овощей (сахарной свеклы, моркови), 400 г фруктов, 250 г мяса, 5 руб. денег. В итоге семья имела: 3402 кг зерна, 2331 кг картофеля, 567 кг овощей, 352 кг фруктов, 3150 рублей.

В результате такого изобилия продуктов, получаемых от общественного хозяйства, отпадает заинтересованность колхозников в приусадеб-

ных участках. Проявлением этого служат факты отказа ряда колхозников от своих участков и предложения передать приусадебные участки в колхоз (Патимат Мурадова из селения Цуни, Айшат Магометова из селения Ургуба и другие). Несмотря на специальное время, выделенное колхозом для работы на приусадебных участках, последние обрабатываются менее тщательно, чем общественные земли, и урожайность их значительно ниже урожайности колхозных полей. Колхозники ежедневно убеждаются в преимуществах коллективных форм хозяйства перед индивидуальными, частными. В то время как на колхозных полях применяются сельскохозяйственные машины, в частности бороны, на приусадебных участках в силу их небольших размеров применение машин невозможно. В то время как колхозные поля в достаточном количестве удобряются птичепометом, добыча которого, как мы знаем, требует коллективной работы многих колхозников, на приусадебных участках удобрение применяется в самых минимальных размерах. Тогда как на колхозных полях широко применяется тяговая сила, на приусадебных участках работы ведутся обычно вручную; при этом, если применяется рабочий скот, принадлежащий колхозу, за него расплачиваются по расценкам, установленным общим собранием колхозников.

В результате всего этого урожай на приусадебных участках бывает ниже урожая на колхозных полях.

Подобное же положение наблюдается и в скотоводческом хозяйстве крестьян. В то время как за колхозным скотом ведется регулярное ветеринарное и зоотехническое наблюдение, применяется искусственное осеменение, улучшаются породы скота, индивидуальное скотоводческое хозяйство колхозников ведется по старинке, а потому имеет меньший эффект.

Наконец, вся организация расчетов за работу на индивидуальном хозяйстве колхозников преследует цель научить колхозников смотреть на труд в личном хозяйстве, как на разновидность труда колхозного, коллективного. Так, например, чабан, выпасающий личный скот колхозников, получает так же, как и колхозный чабан, за свою работу трудодни, которые ему начисляет колхозный бухгалтер путем удержания части трудодней у тех колхозников, скот которых выпасался. При этом размер оплаты устанавливает общее собрание колхозников. Аналогичные расчеты производятся за использование на приусадебных участках колхозных транспортных средств, рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и т. д.

Изменилось отношение колхозников «Красного партизана» к труду. Труд превратился для них в потребность, в творчество. Свидетельством этого могут служить факты широкой и безвозмездной помощи со стороны колхозников колхоза «Красный партизан» другим колхозам Акушинского района и даже колхозам всего Дагестана.

Создание передового социалистического хозяйства повлекло за собой коренное изменение общественного и семейного быта колхозников.

Родовые связи потеряли всякое основание для своего бытования. Бригада включает в свой состав не один жинс, а несколько. Например, бригада № 3 включает шесть жинсов, бригада № 4 — четыре жинса одного тохума и т. д. Некоторые бригады состоят из жинсов разных тохумов. Например, бригада № 1 состоит из представителей трех различных тохумов. Звенья в свою очередь строятся по территориальному принципу. Часто в звено входят несколько семей — соседей, принадлежащих к разным жинсам. Например, в селении Цуни звено, возглавляемое Гапуровой Джугайрат, включает в свой состав семьи, принадлежащие к двум совершенно различным жинсам.

Отдельные факты совпадения бригады и тохума (например, бригада № 4, объединившая тохум) вовсе не означает, что бригада построена по родовому признаку, ибо, как мы уже указывали выше, тохум в

семьи, так и всего общества. Уничтожены корни отходничества. Мужчина активно включился в хозяйственную деятельность, облегчив тем самым непосильное бремя физического труда женщины. Он теперь пахнет, сеет, косит, перевозит тяжести и т. д. Уничтожена разделенность имущества мужа и жены. Все то, что они оба получают в колхозе по трудовым и на приусадебных участках, составляет общее имущество семьи. Как жена, так и муж имеют право продать его, обменять или использовать любым образом, тогда как раньше жена могла сделать это только с разрешения мужа.

Исчез обычай, запрещающий жене появляться на улице вместе с мужем, не называть мужа по имени в присутствии других, равно как исчез порядок, запрещающий мужу оказывать знаки внимания своей жене и детям. Напротив, муж является теперь активным воспитателем детей, особенно в дошкольном периоде их возраста.

Показателем равноправного положения женщины в колхозной семье может служить право расторжения брака по просьбе обоих супругов, а не только мужа, как раньше.

«Говорят,— писал В. И. Ленин,— уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. С этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень»⁵.

* * *

В качестве выразительной иллюстрации тех изменений, которые произошли в жизни крестьян рассматриваемого района, приведем биографии трех поколений одной семьи.

История семьи Магомедовых из селения Кури-махи

Первое поколение

В 1899 г. крестьянин Багнад Магомедов с женой и тремя детьми, двумя сыновьями и дочерью, испытывая недостаток в земле, переселился с Акушинского выселка Яран-махи на хутор Кури-махи. Здесь он получил небольшой земельный надел, размером около 0,25 га и, кроме того, арендовал у селения Акуша участок так называемой общественной земли, расположенный в долине Акушинской речки. Разрешив таким образом, впрочем, далеко не в достаточной мере, свой земельный голод, Багнад Магомедов попрежнему испытывал острый недостаток в пастбищах, что ограничивало размеры его стада.

Как отмечалось выше, все лучшие пастбища, летние и зимние, находились в руках зажиточной верхушки селения Акуша, почему крестьяне хуторов были вынуждены арендовать эти пастбища за высокую плату (150—200 руб. за сезон). Рядовым крестьянам такая плата была не под силу, и пастбища арендовались лишь обеспеченной частью общества. Крупный барановод нанимал чабанов, обзаводился собаками, необходимым инвентарем и имуществом. Все остальные крестьяне селения Кури-махи присоединялись к нему, выплачивая его чабанам от 20 до 50 копеек за каждую голову скота и отдавая ему 30—50% всего молодняка. Однако этим расчеты не ограничивались. В течение всего года крестьяне старались поддерживать «доброжелательные» отношения с таким овцеводом, помогая ему во время сельскохозяйственных работ, постройки дома, изготовлении предметов ремесла, хлопот по устройству угощения при обручении, свадьбе, рождении и других семейных торжествах.

⁵ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 63.

Имея одну корову и десять овец, семье Багнада Магомедова приходилось платить 15 руб. чабану и 45 руб. его хозяину в виде подарков и угощения. В самые удачные годы овцы давали 80—100% приплода, что составляло около 700 кг мяса. В худшие годы, — а таких было значительно больше из-за падежа скота во время перегонов, болезней, из-за плутовства чабанов, — семья получала 300—400 кг мяса в год. Однако в семейный котел попадало не более 200—300 кг. Остальным мясом рассчитывались за пастбища с чабанами, за хозяйственные закупки, в том числе и за хлеб. Своего хлеба Багнаду Магомедову хватало лишь на четыре-пять месяцев.

Из всего селения Кури-махи, насчитывавшего в то время около 200 человек, только три хозяина имели полные упряжки быков и пурец (род деревянной сохи). Все остальные пользовались ими напрокат. Вознаграждение обычно выражалось в форме отработки, которая по-прежнему маскировалась в патриархальные одежды обычая взаимопомощи. Бороны крестьяне хутора Кури не знали, прополки тоже. Женщины только в советское время научились отличать всходы хлеба от сорняков. Унавоживание применялось в весьма ограниченных размерах, так как скот, находясь круглый год на подножном корму, давал очень мало навоза. Кроме того, его транспортировка затруднялась отсутствием рабочего скота.

В результате Багнаду приходилось уходить летом на приработки в Баба-юрт или Кизляр на виноградники, либо же в ближайшие города на промыслы. Это давало ему около 20 руб. в год. Дома оставалась жена Багнада Патимат и дети. Патимат несла на себе все бремя тяжелого физического труда: она сеяла хлеб, косила сено, убирала урожай, запасала дрова, стригла овец, заготавливала молочные продукты, готовила обед, ухаживала за детьми, ткала сукно, шила одежду, носила воду и т. д. Патимат помогала в работе ее дочка. Тяжелая работа рано согнула тело Патимат, которое она так и не смогла распрямить до своей смерти.

Дочка Багнада начала работать в поле с восьмилетнего возраста, в то время как ее братья учились у арабиста из соседнего селения. Обучение сводилось к запоминанию статей Корана. Читать и писать они так и не научились.

Уровень культурных потребностей семьи Магомедовых соответствовал их жесткому бюджету. Жили они в маленьком домишке с топкой по-черному. Скот помещался вместе с семьей, будучи отгорожен невысокой каменной загородкой. Открытый очаг давал очень мало тепла, и поэтому в холодное время члены семьи кутались в тяжелые овчинные шубы. На время сна семья располагалась вокруг очага на войлочных подстилках. Багнад и его сыновья спали с одной стороны очага, а Патимат и дочь — с другой. Помещение скудно освещалось светильниками или лучинами. Домашнее убранство состояло из нар и нескольких треугольных скамеечек распространенного в Дагестане типа. В одежде и обуви семья довольствовалась предметами своего домашнего производства.

Несмотря на большую хозяйственную роль в жизни семьи, Патимат занимала в ней, как и в обществе, зависимое положение. Неограниченным главой семьи был Багнад Магомедов, которому принадлежало и все движимое и недвижимое имущество. Он же решал судьбу детей. В течение всей своей совместной жизни Багнад ни разу не назвал жену по имени, обращаясь к ней всегда в третьем лице или же говоря о ней словами: «наша женщина». В силу адата Багнад ничем не проявлял своей заботы о детях, не брал их на руки, не ласкал. Следуя установленному этикету, он никогда не появлялся на улице вместе с Патимат, не ходил с ней в гости. Семейную трапезу Багнад с сыновьями совершали раньше женщин. Сын, хотя и был моложе своей сестры, имел право требовать от нее послушания и всевозможных услуг.

История этой семьи сохранила память о следующей семейной трагедии. В силу порядков того времени юноши и девушки не могли встречаться в нерабочее время. Исключение составляло лишь предвечернее время, когда девушки, возвратившись с поля, шли за водой. Юноша, чтобы увидеть понравившуюся ему девушку, располагался где-либо поблизости.

Дочь Багнада и Патимат, Хадижат, еще в детстве была очень дружна с соседним мальчиком Магомедом. Пока они были детьми, на эту привязанность не обращали внимания. Когда Хадижат исполнилось 12 лет, ее отец — Багнад посулил ее в жены сыну своего кунака из селения Ургуба. С этого времени старший брат Хадижат, Амин, стал ревниво следить за сестрой, предупреждая все ее попытки встретиться со своим другом. Амин заставлял сестру сидеть дома все свободное от работы время и принимал другие меры, чтобы воспрепятствовать ее встрече с милым. Друг Хадижат часто проходил мимо дома, но она не выглядывала на улицу, боясь своего брата.

Желая лишний раз посмотреть хотя бы у водоема на своего милого, Хадижат предложила соседям носить для них воду. И без того трудный день девушке заканчивался нелегкой работой по переноске воды на два дома. Но это было единственным развлечением для нее. Брат разгадал тайну сестры и, оберегая ее «честь», убил друга Хадижат.

Четырнадцати лет Хадижат выдали замуж за юношу, которого она никогда раньше не видала. Прожив с ней два года и не дождавшись ребенка, муж прогнал Хадижат. Она вернулась в свой родительский дом, где и дожила свою безрадостную трудовую жизнь.

Отец семьи Багнад умер от малярии, которой заболел в Кизляре на виноградниках. К тому времени его сыну Амину исполнилось четырнадцать лет. Через три года после этого мать Патимат была зарезана родственниками убитого Амином Магомеда. Мстители по ошибке приняли мать за сына вследствие того, что Патимат была одета в бурку сына.

Второе поколение

Амин покинул родительский дом и ушел в город. Вторым сыном Багнада Магомедова, Багнадов Чанкабаг, стал собственником родительского дома и всего убогого хозяйства. Через год после смерти своей матери Чанкабаг женился на своей двоюродной сестре Пахинат, дочери брата матери. Происходя из семьи, имевшей некоторый достаток, Пахимат получила в приданое корову, пять овец, половину мельницы и земельный участок размером в 0,1 га.

Чанкабаг продал эту землю и приобрел второй камень для мельницы, сделавшись, таким образом, собственником недвижимости. Его сестра Хадижат стала обслуживать мельницу брата. С каждого пуда перемолотой муки в пользу хозяина мельницы удерживалось 2 кг, что сделало семью Чанкабага середнячком. Тем не менее пахотная земля его продолжала оставаться небольшой по размерам, всего в полгектара, а стадо насчитывало всего 10—15 голов мелкого рогатого скота. Доходы Чанкабага были относительно невелики. Его мечта построить новый дом, приобрести сундук-ларь для вещей работы местного мастера из сел. Цуни — так и осталась неосуществленной. Может быть, этому помешала преждевременная смерть Чанкабага от малярии, обычной для этой местности. Лишившись мужа, вдова Чанкабага продала мельницу. Но хозяйство продолжало слабеть. Видя, что ей не прокормить семью, состоящую из четырех детей, она вышла замуж по сватовству за сына кунака своего отца. Своего нового мужа она раньше не видала, так как он жил на дальнем хуторе, куда она и переселилась. Трое младших детей остались на иждивении старшей дочери. Самый старший из

них, Магомед пас быков у зажиточных хозяев в разных селениях Акушинского вольного общества.

В 1908 г., когда старшая сестра вышла замуж, имущество было разделено между детьми. Старший брат Магомед поступил в услужение к местному арабисту, у которого пробыл три года. Кроме немногих заученных мест Корана, Магомед ничего не приобрел. С 1911 г. Магомед ушел в сады Кизляра, где проработал до 1915 г. Сирот призревали родственники из жинса отца, которые извлекали из этого для себя выгоды. Младшая девочка Халум носила для всех членов жинса дрова и воду, младший мальчик Мута косил сено, пас лошадей. Кроме того, богатые родственники пользовались трудом сирот при постройке новых домов, где дети выполняли самую тяжелую и грязную работу: их заставляли таскать навоз, работать в поле и т. д. От всех своих родственников-опекунов сироты почти не получали помощи. Дом, в котором они жили, постепенно превратился в жалкую лачугу. Если случалось принять в виде подарка снятую с чужого плеча дырявую одежду, то это расценивалось как благодеяние.

Третье поколение

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила жизнь этой семьи. Магомед, которому было тогда 19 лет, впервые смог поступить в школу, а затем на учительские курсы. По окончании курсов он стал учителем в сел. Акуша. В 1929 г. он получил обратно в свое пользование мельницу, но вскоре передал ее сиротам, а затем крестьянскому комитету. С 1930 г. Магомед получает должность заведующего школой в этом же селении, а потом переводится в сел. Усиша в этой же должности. Работая, Магомед не перестает учиться. В городе Махач-Кала он проходит краткосрочные курсы методистов, летом повышает свои знания на учительских курсах. В 1934 г. он некоторое время учится в педагогическом институте гор. Махач-Кала и два месяца на профсоюзных курсах в Ленинграде.

В 1935 г., как только организовалась в селении Ухурчи-махи сельскохозяйственная артель, Магомед становится ее членом. В 1937 г. он имел уже хорошее хозяйство. У него было 0,4 га пахотной земли, 0,2 га фруктового сада, до 15 голов мелкого рогатого скота, две коровы и птица.

В 1942 г. Магомед избирается председателем колхоза, в качестве которого работает и поныне. Колхозники помогли Магомеду построить четырехкомнатный дом с большой верандой. Все комнаты обставлены городской утварью. Национальный колорит всему убранству помещения придают ковры и паласы местной работы, резьба, выполненная на городской мебели — шкафах, кроватях, скамейках и т. п. Дом, в отличие от старого жилища этой семьи, имеет камин и железные печи, что позволяет в зимнее время отказаться от ношения теплой одежды в доме.

Магомед женился на девушке из селения Ургуба, отказавшись тем самым от обычая эндогамии. Он сам договорился с понравившейся ему девушкой. Комсорг сел. Ургуба, пользовавшийся большим доверием со стороны населения, уговорил родителей невесты дать свое согласие на необычайный брак дочери. После этого Магомед заслал к ним сватов. Каждый из них был бригадиром колхоза этого же селения и пользовался в нем большим авторитетом.

Так состоялась свадьба.

Семья Магомеда Исаева ничем не похожа на семьи его отца и деда. Жена равноправна, работает в колхозе наравне с мужчинами. Она грамотна, принимает участие в общественной жизни сельхозартели, посещает собрания и ходит в колхозный клуб. Если раньше бабушка и пра-

бабушка Магомеда встречались с мужчинами украдкой во время полевых работ или при переноске воды, то теперь жена Магомеда, отправляясь в клуб, берет с собой свою дочь Патимат. В клубе они слушают беседы на агротехнические темы, изучают «Краткий курс истории ВКП(б)», бывают на читке газет. Вечер заканчивается национальными даргинскими танцами или кинокартиной.

На празднествах и торжествах мать и дочь не остаются безмолвными, безучастными зрителями, как это было раньше, но принимают в них активное участие, проявляя живой интерес. Так, на последнем Первомайском празднике жена Магомеда после доклада комсорга о дне 1 Мая, выступила со своим докладом, посвященным новой жизни советской даргинки. Праздник отмечался обычными для горцев джигитовкой, соревнованиями по бегу, прыжками, метанием камней и национальными танцами, в которых участвовали и мужчины и женщины.

Дети Магомеда Исаева получили систематическое образование. В настоящее время они окончили школу и готовятся к поступлению в высшие учебные заведения.

Таковы яркие страницы из биографии трех поколений семьи Магомедовых, отражающие три разные исторические эпохи, из которых создателем последней явился великий Сталин.